

Научная статья

УДК 81'22

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-222-235

Список действующих лиц как часть паратекста пьесы: функциональный аспект

Ольга Александровна Чуреева

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

au-room-ua@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0469-0008>

Аннотация

Статья посвящена функциональному анализу списка действующих лиц пьесы как элемента паратекста драматического произведения. Исследование предпринято на материале четырехактных пьес А. П. Чехова. Особое внимание акцентируется на раскрытии интерпретационного потенциала списка действующих лиц в комедии «Чайка». Установлено, что последовательность расположения имен персонажей в перечне определяется критерием родства и отражает логику конфигурации актантов. Подчеркивается, что родственные связи персонажей актуализируются посредством авторских комментариев, а не за счет указания общей фамилии. Отмечается, что список действующих лиц позволяет сформировать предварительную гипотезу относительно сюжетной линии пьесы, протагониста и антагониста. Доказывается возможность извлечения знания о значимости актантов для развития действия, об их семейном и социальном статусе, об отношениях между героями и об авторском отношении к персонажам на основе информации, содержащейся в списке действующих лиц.

Ключевые слова

список действующих лиц, драматический текст, паратекст, пьеса, интерпретация, А. П. Чехов, пьеса «Чайка»

© Чуреева О. А., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 222–235

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 222–235

Для цитирования

Чуреева О. А. Список действующих лиц как часть паратекста пьесы: функциональный аспект // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 222–235. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-222-235

Dramatis Personae List as a Part of the Drama Paratext: A Functional Perspective

Olga A. Chureyeva

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

au-room-ua@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0469-0008>

Abstract

The present research is devoted to the functional analysis of dramatis personae list as a part of play paratext. A study of four-act Chekhov's plays is primarily associated with exploring of the play 'The Seagull'. The main principles and features of dramatis personae list constitution are considered in this paper. The research aims to make a conclusion related to the value of information provided in the dramatis personae list for the interpretation of dramatic text. It is pointed out that family ties explicit, not by means of the shared surnames, but due to the relevant author's comments. The order and sequence of character's names in the list are determined by the kinship criterion and seems telenomic. It is emphasized, that consideration the dramatis personae list allows to gain a tentative hypothesis regarding the storyline of the play and the nature of social relations between the characters. It has been proven that it is possible to glean knowledge about interpersonal relationships between characters, attitude of surrounding people toward them, author's intent and even author's empathy for his characters.

Keywords

dramatis personae list, dramatic text, paratext, play, interpretation, Anton P. Chekhov, play 'The Seagull'

For citation

Chureyeva O. A. Dramatis Personae List as a Part of the Drama Paratext: A Functional Perspective. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 1, pp. 222–235. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-222-235

Введение

Драматический текст создается с целью его сценической интерпретации, поэтому содержит большое количество намекающей, комментирующей, инструктивной, поясняющей, уточняющей и другой информации, эксплицированной в виде разнообразных структурно-семантических элементов, графически выделенных при помощи шрифта, форматирования, разрядки букв. Для обозначения текста, предназначенного режиссеру и постановщику пьесы, в научной литературе используются такие термины, как «текст в тексте» [Кубрякова, Александрова, 2008, с. 7], «метатекст» [Вежбицка, 1978, с. 404], «канонические структуры» [Петрова, 2012, с. 72], «рамочный текст» [Кабыкина, 2009]. Однако наиболее распространенным и широкоупотребительным является термин «паратекст», введенный французским исследователем Жаном-Мари Томассо и расширенный Жераром Женеттом, предложившим использовать его в качестве зонтичного понятия, объединяющего «перитекст» (паратекст в узком понимании) и «эпитекст» (паратекст в широком понимании). Эпитекст произведения включает сведения об истории его создания, тексты предыдущих редакций, переписку по поводу текста и его издания и т. д. Перитекст пьесы содержит имя ее автора, заглавие произведения, заголовок списка действующих лиц и его содержание, экспозиционные ремарки, указывающие на время, место действия, контекст, интерьер и т. д., межрепликовые и финальные ремарки («Немая сцена», «Занавес» и др.) [Genette, 1997, p. 13].

Внимание отечественных исследователей к анализу списка действующих лиц как важной части паратекста пьесы не всегда было столь пристальным, как сегодня. На наш взгляд, всплеск интереса связан с появлением работ, выполненных в русле когнитивно-дискурсивного подхода, который подразумевает рассмотрение драматического текста как особого формата знаний или даже совокупности структур знаний, одной из которых является список действующих лиц [Кубрякова, Александрова, 2008; Петрова, 2012].

В настоящей работе анализ списка действующих лиц осуществляется в русле функционального подхода и нацелен на определение значения информации, эксплицированной в списке действующих лиц, для понимания текста пьесы, его адекватной интерпретации (в том числе сценической).

Материалы и методы

Исследование предпринято на материале четырехактных пьес А. П. Чехова. Особенности организации списка действующих лиц и авторской характеристики персонажей подробно рассматриваются на примере комедии «Чайка». Работа выполнена с применением общенаучных методов описания и сравнения, дедукции и индукции, а также методов контекстуального и функционального анализа.

Постановка проблемы и обсуждение

Список действующих лиц, предваряющий основной текст пьесы, выполняет функцию первого знакомства читателей с героями произведения. Информация о том, кто является протагонистом (главным героем), а кто – антагонистом (его соперником), на данном этапе явно не эксплицируется. Театральная традиция предписывала строгий порядок расположения имен в списке действующих лиц. Первые строчки занимали имена мужских персонажей, указанные в порядке понижения статуса (от высокого к низкому), за списком мужских ролей следовал список женских, организованный таким же образом. Эта тенденция, в частности, отражена в драматургических произведениях Шекспира (Гамлет указывается вторым после Клавдия, короля датского, а Офелия – второй с конца списка, перед призраком отца Гамлета). Отказ от структурирования списка по гендерному признаку связан со сдвигом социокультурной парадигмы, который произошел на рубеже XIX–XX вв. Так, в русской драматургии конца XIX в. список действующих лиц уже могли возглавлять женские персонажи.

Следует отметить, что драматические тексты этого периода могут содержать развернутые описания персонажей или, напротив, скудные. Пьесы А. П. Чехова относятся к драматическим произведениям второго типа. Авторские комментарии относительно лиц, задействованных в пьесе, содержат немного сведений, что характерно для творческой манеры писателя, отличительной чертой которой является лаконичность и стремление к сохранению только той информации, которая является ключевой и имеет значение для интерпретации образа и истории в целом. Как правило, к такой информации относятся фамилия, имя и отчество, род занятий персонажа (иногда – только имя или только род деятельности). В некоторых текстах (крайне редко) Чехов указывает также возраст персонажей.

Рассматривая списки действующих лиц четырехактных чеховских пьес, можно обнаружить определенную логику организации перечня имен персонажей.

Так, в пьесе «Вишнёвый сад» список действующих лиц включает 16 наименований, первые пять из которых перечислены ниже:

Раневская Любовь Андреевна, помещица
Аня, её дочь, 17 лет
Варя, её приёмная дочь, 24 года
Гаев Леонид Андреевич, брат Раневской
Лопухин Ермолай Алексеевич, купец [Чехов, 1986, с. 196]¹.

Как видно, верхнюю позицию занимает Раневская Любовь Андреевна, а в качестве характеризующей номинации указывается ее социальный статус (помещица). Далее перечисляются родственники Раневской (дочери и брат), затем – Лопухин Ермолай Алексеевич (купец). В списке указываются владелица поместья и человек, потенциально способный это поместье купить. Таким образом, уже на основе поверхностного анализа списка действующих лиц пьесы можно выдвинуть гипотезу о возможных протагонисте и антагонисте.

В списке действующих лиц пьесы «Три сестры» 14 позиций, на первых пяти строчках расположены имена следующих персонажей:

Прозоров Андрей Сергеевич
Наталья Ивановна – его невеста, потом жена
Ольга, Маша, Ирина – его сестры (с. 118).

Заглавие пьесы «Три сестры» побуждает читателя задать вопрос «Чьи три сестры?», ответ на который незамедлительно дается автором в следующей части паратекста пьесы (в списке действующих лиц). Перечень персонажей возглавляет некий Прозоров Андрей Сергеевич, о котором на данном этапе знакомства с героем произведения читателю ничего неизвестно, кроме полного имени и сведений о членах семьи (жена и три сестры). Возможно, по замыслу автора, читатель и не должен знать о нем ничего больше, если главная функция персонажа в пьесе – быть братом своих сестер. И тогда ключевой становится линия трех девушек, связанных между собой, характеры и судьбы которых должны рассматриваться в свете этой неразрывной связи. А может быть, три сестры должны оттенять

¹ Далее пьесы цитируются по этому изданию, в круглых скобках указаны страницы.

и очерчивать образ Прозорова, который на самом деле является главным героем пьесы. Ответ на эти вопросы читатель-интерпретатор должен извлечь из текста в ходе внимательного чтения и вдумчивого анализа.

В пьесе «Дядя Ваня» девять действующих лиц. Примечателен не только порядок именовании, но и сопутствующие авторские указания, которые позволяют обозначить некоторые существенные для автора характеристики персонажей:

Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27-ми лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака.

Войницкая Мария Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора.

Войницкий Иван Петрович, ее сын (с. 62).

Первый в списке – Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор. За ним следуют молодая жена (27 лет), дочь от первого брака, бывшая теща (вдова тайного советника). «Дядя Ваня» (Войницкий Иван Петрович) – сын бывшей тещи Серебрякова – только пятый в этом списке. Он назван после женского персонажа (Войницкая Мария Васильевна, вдова тайного советника, мать первой жены профессора). Описание героя ограничено указанием на родство (ее сын). Иными словами, Войницкий Иван Петрович – брат первой жены профессора. Он приходится дядей Софье, дочери Серебрякова от первого брака. Следовательно, только Софья может называть его дядей Ваней. Из этого можно сделать первичный вывод, что главные действующие лица пьесы – это Войницкий и Софья, справедливость которого будет либо подтверждена в ходе анализа всего текста пьесы, либо не найдет подтверждения.

В пьесе «Чайка» 13 действующих лиц:

Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса.

Константин Гаврилович Треплев, ее сын, молодой человек.

Петр Николаевич Сорин, ее брат.

Нина Михайловна Заречная, молодая девушка, дочь богатого помещика.

Илья Афанасьевич Шамраев, поручик в отставке, управляющий у Сорина.

Полина Андреевна, его жена.

Маша, его дочь.

Борис Алексеевич Тригорин, беллетрист.

Евгений Сергеевич Дорн, врач.

Семен Семенович Медведенко, учитель.

Яков, работник.

Повар.
Горничная (с. 4).

В списке актантов выделяются два персонажа: «молодой человек» Треплев и «молодая девушка» Заречная. Таким образом, уже на этапе знакомства с действующими лицами в сознании читателя выстраивается линия Треплев – Заречная. О Нине Заречной Чехов сообщает также, что она является дочерью богатого помещика. У читателя формируется образ богатой молодой девушки, завидной невесты, так как осуществляется перенос характеристики положения отца героини на саму героиню. Эта предварительная гипотеза должна быть либо подтверждена, либо опровергнута в ходе знакомства с текстом пьесы. Диссонанс, который возникает вследствие расхождения информации, эксплицированной в списке действующих лиц, и сведений о героине, содержащихся в основном тексте, служит стимулом к более глубокому осмыслению прочитанного.

Анализируя информацию, которую можно извлечь из списка действующих лиц пьесы «Чайка», важно обратить внимание на существенную деталь, которая роднит произведение Чехова с «Гамлетом» Шекспира, – это «тень» отца Треплева. В описании Аркадиной указывается ее фамилия по мужу (Треплева), которая совпадает с фамилией ее сына Константина Гавриловича, но сам герой – Гаврила Треплев – в список действующих лиц не включен. Он, как и другие «персонажи-невидимки» Чехова [Кудряшов, 2013], не указанные в перечне актантов пьесы, является действующим лицом второго плана драматического текста, не менее важного, чем первый. У вдумчивого читателя в связи с этим возникает несколько вопросов: где отец Константина Треплева? Жив ли он? Почему фамилия героини Аркадина, а не Треплева (как у отца ее сына) и не Соруна (как у ее брата)? Ответ на второй вопрос можно найти в описании, предлагаемом Чеховым в списке персонажей, из которого читатель узнаёт, что мать Треплева – актриса. Учитывая этимологию рассматриваемого имени собственного, отсылающую к образу Аркадии как некому идеалу, символу гармонии природы и духа, блаженства и безмятежности, можно сделать вывод о том, что фамилия Аркадина является сценическим псевдонимом актрисы. И выбор такого псевдонима говорит о характере персонажа больше, чем любое подробное описание. И если актриса как литературная героиня избирала псевдоним, видимо, руководствуясь этой семантикой, то Чехов как автор литературного образа актрисы использовал говорящую фамилию как иронический приём. Ирина Аркадина помнит, как когда-то давно, когда Треплев был маленьким, а сама актриса «ещё служила на казённой

сцене», две балерины ходили к ней пить кофе (легкое воспоминание из жизни богемы), но, как ухаживала за побитой «жилицей-прачкой» и «ходила к ней, носила лекарства, мыла в корыте её детей» (с. 88), т. е. проявляла милосердие, не помнит: избирательная память вытеснила всё, что связано с заботами, собственной или чужой болью, и сохранила лишь то, что связано с наслаждением и беззаботностью. Подобно тому, как Гегель в «Эстетике» критиковал аркадскую философию наслаждений («ничего не знают, кроме еды и питья»), Треплев критикует образ жизни Аркадиной, которая «курит, пьёт, открыто живёт с этим беллетристом», и людей ее круга, которые «изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки» (с. 8). Из текста пьесы станет очевидно, что важным также является авторское указание в описании персонажа (*по мужу Треплева*): «имя ее постоянно треплют в газетах» (с. 8). Возможно, имя мужа тоже треплют в газетах, так как он принадлежит к тому же профессиональному цеху, что и Аркадина. Муж Ирины Николаевны, как ясно из текста, «тоже был известным актёром» (с. 8). Был – значит, уже не является таковым. Следует ли из этого, что актриса отказалась от фамилии мужа и от него самого, потому что тот перестал быть известным актёром? Что стало причиной расставания? Какова судьба отца Треплева? Жив ли он? Константин Треплев говорит о профессии отца в прошедшем времени, а о его сословной принадлежности – в настоящем: «Мой отец ведь киевский мещанин, хотя тоже был известным актёром» (с. 8). Актёром уже не является, а мещанином остается?

Ответы на вопросы об отце Треплева требуют глубокого погружения читателя в текст и внимания к деталям. Факт отсутствия этого лица в списке действующих лиц побуждает читателя к самостоятельному расследованию и вдумчивому чтению. Тем не менее, учитывая логику составления списков действующих лиц в других пьесах Чехова, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что отец Треплева жив, так как, если героиня пьесы является вдовой, Чехов всегда указывает на это обстоятельство в списке действующих лиц (например, «молодая вдова» в «Иванове», «вдовушка с ямочками на щеках» в «Медведе», «вдова тайного советника» в «Дяде Ване» и т. д.). В «Чайке» подобных помет нет. Однако упоминание о муже Аркадиной и его фамилии делает отсутствие этого персонажа явным. Чехов использует в данном случае приём значимого отсутствия, давая интерпретаторам подсказку и указывая на важность исследования мотива отцовства в пьесе для понимания текста. Если в «Гамлете» образ отца главного героя заявлен как отдельный персонаж, обозначенный

в списке действующих лиц (призрак отца Гамлета) и присутствующий в пьесе как видимый и говорящий призрак, который является герою, то образ отца Треплева не является, а проявляется как элемент подтекста и проявляет некоторые важные обстоятельства и смыслы. Используя терминологию психоанализа, можно сказать, что образ отца Треплева присутствует в сознании героя как гештальт, на что указывает вербальное и невербальное поведение Константина Гавриловича.

Руководствуясь лишь информацией, извлеченной из списка действующих лиц, интерпретатор неизбежно столкнется с вопросом о главном герое. Кого следует считать протагонистом? Главный герой – глава семейства? Если так, то кого считать главой: самого старшего мужчину, самого статусного персонажа или того, кто указан первым в списке действующих лиц. Если принимать в качестве предположения, что главой семейства является персонаж, возглавляющий список родственников, по отношению к которому определяется родственный статус других персонажей, то необходимо ответить на вопрос: является ли глава семейства главным персонажем? Являются ли Раневская, Прозоров, Серебряков, Аркадина главными действующими лицами? Ответ на данный вопрос может быть положительным, однако не окончательным, что обусловлено коллизией элементов паратекста (названий, списка действующих лиц и т. д.) и основного текста пьесы как особых форматов знания.

Пьеса «Чайка» в ряду других четырехактных пьес Чехова занимает особое место, так как представляет собой результат сознательного эксперимента автора, который, подобно своему герою Треплеву, задумал написать нечто странное, отличное от того, к чему привык и к чему все привыкли. «Чайка» нестереотипная пьеса: в ней нет типичных актерских амплуа и сюжетных перипетий, продвигающих действие (от отчаянья к надежде), основные события происходят за сценой, а актантная структура scrupulously выверена и не допускает включения дополнительных действующих лиц. Каждый персонаж выполняет свою функцию, важную для понимания характеров, отношений и истории в целом.

Изучение списка действующих лиц позволяет выстроить предварительную гипотезу и дает ключ к прояснению вопросов, которые неизбежно возникнут в ходе чтения произведения. Согласно этой логике сведения, которые автор сообщает о своем персонаже и о которых умалчивает, имеют равновеликое значение. Если Чехов не указывает полного имени действующего лица, то делает это неслучайно, давая читателю кончик нити, потянув за которую, можно разобраться в системе образов и отношений

между ними. Так, героиня Маши, девушка двадцати двух лет, как следует из основного текста, в списке действующих лиц обращает на себя особое внимание, так как в отличие от других персонажей обозначена кратким именем (без отчества и фамилии) и без указания на возраст. Это обстоятельство примечательно в силу того факта, что Чехов считает важным указать полные имена и возраст Константина и Нины («Константин Гаврилович Треплев <...> молодой человек», «Нина Михайловна Заречная, молодая девушка»). Отсутствие указания на возраст находит объяснение в основном тексте пьесы, из которого становится ясно, что Маша не ощущает себя молодой девушкой: «А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный шлейф...» (с. 21). Вопрос о том, почему героиня Маши представлена читателям просто по имени, также не является праздным и ведет к обнаружению деталей, важных для понимания образа. Так, отсутствие отчества связано с вопросом отцовства, который в рабочих версиях пьесы однозначно решался в пользу Дорна. В окончательной редакции эта линия была затухана автором, но проявлялась при внимательном чтении. Фамилия героини не указывается в списке действующих лиц, так как в ходе действия семейное положение Маши меняется, соответственно меняется и фамилия. Если бы героиня была обозначена в списке как Маша Медведенко, был бы нарушен драматический принцип интриги. Тот факт, что в списке указывается краткое имя героини, а не полное (Мария), может объясняться не только особым характером родственных отношений между персонажами, но также особым отношением автора к персонажу (симпатией) и отношением героини к самой себе, которое ёмко отражается в реплике, обращенной к Тригориному: «Пришлите же мне ваши книжки, непременно с автографом. Только не пишите “многоуважаемой”, а просто так: “Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на этом свете”» (с. 34). Номинация «Марья, родства не помнящая», представляющая собой модификацию идиомы «Иван, родства не помнящий», в контексте дискурса и в свете вышеизложенных обстоятельств может восприниматься как фигурально, так и буквально.

Если персонаж Маши обозначен в списке действующих лиц кратким именем (без отчества и фамилии), то жена управляющего Шамраева – Полина Андреевна – указана без фамилии. С одной стороны, очевидно, что жена носит фамилию мужа, и достаточно лишь указать на тот факт, что Полина Андреевна – его [Шамраева] жена, чтобы снять вопросы (указание фамилии в этом случае может представляться избыточным). С дру-

гой стороны, как следует из анализа номинации Маши, проведенного выше, отсекая фамилию, Чехов фокусирует внимание читателя на факте отсутствия части полного имени и провоцирует вопрос о том, является ли героиня в буквальном смысле Шамраевой, принадлежащей Шамраеву, своему мужу. Из текста и эпитекта пьесы следует, что Полина Андреевна более двадцати лет испытывает сердечную привязанность к доктору Дорну.

По наблюдениям Н. Ю. Петровой, сделанным в ходе анализа списка действующих лиц на материале произведений английских драматургов, функция данной части паратекста определяется двояко: с одной стороны, список действующих лиц «поддерживает метонимические связи с предшествующим ему названием пьесы» (так как включает собственные имена, вынесенные в заголовок); с другой – способствует раскрытию идеи пьесы и отчасти позволяет предсказать сюжетную линию, содержит в редуцированном виде информацию, которая должна быть расширена в ходе дальнейшего процесса чтения, реализуя тем самым принцип «расширяющейся воронки» [Петрова, 2009, с. 31]. Если вторая часть выводов, сделанных автором, нашла подтверждение в ходе анализа списка действующих лиц, предпринятого нами на материале текстов русской драматургии (в частности, пьес А. П. Чехова), то относительно первой части отмечены существенные расхождения, так как в заголовках текстов четырехактных пьес автора не содержатся имена персонажей, а если и содержатся (как, например, в пьесе «Дядя Ваня»), то в такой форме, которая прямо не коррелирует ни с именами в списке действующих лиц, ни с именами, упоминаемыми в основном тексте пьесы. Связь между заголовком и списком действующих лиц в пьесах Чехова не эксплицирована явно, и ее обнаружение требует от читателя / интерпретатора подключения логических механизмов и выстраивания семантических связей между элементами.

Заключение

Анализ списка действующих лиц в пьесах А. П. Чехова показал, что деление персонажей на главных и второстепенных, более статусных или менее, оказывается не столь значимым для структурной организации данной части паратекста пьесы. Порядок актантов в перечне, предваряющем основной текст, подчинен логике выстраивания сетки отношений между ними. Читателям / интерпретаторам сообщаются минимальные сведения о персонажах, участвующих в сценическом действии: имя сопровождается

указанием на род деятельности (доктор, учитель и т. п.) или на родство с другими персонажами (сын, жена и т. п.), иногда отмечается возраст героя (молодой человек, 17 лет и т. п.). Примечательно, что родственные связи персонажей актуализируются посредством авторских комментариев, а не за счет указания общей фамилии. Часто фамилии членов одной семьи либо не указываются вовсе, либо указываются другие (как, например, в пьесе «Чайка»).

Последовательность расположения имен персонажей в иерархии определяется критерием родства. Так, в «Чайке» сначала перечисляются все родственники Аркадиной (сын и брат), потом – все родственники Шамраева (жена и дочь), остальные персонажи указываются по принципу важности роли (Тригорин – беллетрист, Дорн – доктор, Медведенко – учитель). Список действующих лиц позволяет сформировать предварительную гипотезу относительно сюжетной линии пьесы и характера социальных отношений между актантами. Более того, анализ данной части паратекста в пьесах Чехова доказывает возможность извлечения знания о характере межличностных отношений актантов, отношения окружающих к героям и даже авторского отношения к собственным персонажам.

Список действующих лиц как элемент паратекста и часть ключа к пониманию характеров является важнейшей составной частью драматического произведения. Анализ каждого элемента паратекста порождает ряд вопросов и гипотез, которые на новом этапе анализа либо находят подтверждение, усиливаются или корректируются, либо развенчиваются, опровергаются и порождают новые вопросы и гипотезы. Следуя интерпретационному принципу герменевтических кругов, для уточнения каких-либо моментов, связанных с личностью героя или характером его социальных отношений, читатель в процессе чтения может вернуться к списку действующих лиц, чтобы разобраться в системе персонажей и связях между ними (как правило, читатель неоднократно возвращается к перечню актантов, забывая, кто есть кто и кто кому кем приходится). Обращение к списку действующих лиц на разных этапах чтения и интерпретации позволяет прояснить некоторые моменты и дает новый импульс размышлениям. Таким образом, благодаря вниманию к информации, актуализированной автором в данной части паратекста, можно избежать ошибок в толковании драматических ситуаций и характеров. Список действующих лиц является, пожалуй, единственным средством авторского комментария, адресованного читателю / интерпретатору, в котором драматург от своего

лица прямо сообщает сведения об акантах, наиболее существенные для понимания текста.

Список литературы

- Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 402–424.
- Кабыкина Ю. В.* Рамочный текст в драматическом произведении (А. Н. Островский и А. П. Чехов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 26 с.
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В.* Драматические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 4. С. 3–10.
- Кудряшов О. Л.* Персонажи-невидимки в пьесах Чехова // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2013. № 1. С. 71–97.
- Петрова Н. Ю.* Лингвокогнитивные особенности построения списка действующих лиц (на материале английской драмы) // Вестник МГПУ. Серия: Филология, теория языка, языковое образование. 2009. № 2 (4). С. 28–36.
- Петрова Н. Ю.* Об авторской интенциональности в языке пьес (план режиссера) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3. С. 70–75.
- Чехов А. П.* Чайка // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1986. Т. 13. С. 4–60.
- Genette G.* Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1997. 427 p.

References

- Chekhov A. P. Chaika. In: Chekhov A. P. The complete Works and Letters. In 30 vols. Moscow, Nauka, 1986, vol. 13, pp. 4–60. (in Russ.)
- Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1997. 427 p.
- Kabykina Yu. V. Ramochnyi tekst v dramaticheskome proizvedenii (A. N. Ostrovsky i A. P. Chekhov) [Framework text in dramatic work (A. N. Ostrovsky and A. P. Chekhov)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2009, 26 p. (in Russ.)
- Kubryakova E. S., Aleksandrova O. V. Dramaticheskie proizvedeniya kak osobyi ob"ekt diskursivnogo analiza (k postanovke problemy) [Dramatic works

as a special object of discursive analysis (setting the issue)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], 2008, vol. 67, no. 4, pp. 3–10. (in Russ.)

Kudryashov O. L. Personazhi-nevidimki v p'esakh Chekhova [Ghost characters in Chekhov's plays]. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka* [Theatre. Painting. Movie. Music], 2013, no. 1, pp. 71–97. (in Russ.)

Petrova N. Yu. Lingvokognitivnye osobennosti postroeniya spiska deistvuyushchikh lits (na materiale angliiskoi dramy) [Linguistic and cognitive features of cast of characters structure (based on English drama)]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya, teoriya yazyka, yazykovoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philology, theory of language, language education], 2009, no. 4, pp. 28–36. (in Russ.)

Petrova N. Yu. Ob avtorskoi intentsional'nosti v iazyke p'esy (plan rezhissera) [On author's intentionality in the language of plays (director's piece)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2012, no. 3, pp. 70–75. (in Russ.)

Wierzbicka A. Metatekst v tekste [Metatext in Tekst]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, Progress Publ., 1978, iss. 8, pp. 402–424. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Александровна Чуреева, старший преподаватель

Information about the Author

Olga A. Chureyeva, Senior Lecturer

Статья поступила в редакцию 01.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 10.10.2024
The article was submitted on 01.09.2024;
approved after reviewing on 10.10.2024; accepted for publication on 10.10.2024